

УДК 81'37; 003; 81'22

И.Я. Конончук

**ПИСЬМА А.В. СУВОРОВА КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ
СЕМАНТИЧЕСКОЙ АДАПТАЦИИ ЗАИМСТВОВАННЫХ СЛОВ
В РУССКОМ ЯЗЫКЕ**

Рассматриваются основные направления семантических изменений заимствованных единиц в русском языке второй половины XVIII в. Анализируются слова иноязычного происхождения, зафиксированные в текстах писем А.В. Суворова в значениях, не отмеченных в словарях. В ходе исследования раскрываются информативные возможности суворовского эпистолярия как источника изучения семантических модификаций иноязычных слов.

Ключевые слова: заимствованные слова, семантическая модификация.

Семантическая адаптация иноязычных единиц в принимающей среде является одним из показателей их освоенности. Под семантической адаптацией слова понимается становление его семантических свойств, которое выражается в формировании лексико-семантических и синтаксических связей слова с другими лексическими единицами языка. Характерной особенностью этого процесса выступает то, что момент освоения тесно связан с моментом развития значения единицы. Это проявляется в изменении семантической структуры слова, в развитии переносных значений, в переходе единиц в другие функциональные сферы, а также в способности слова вступать в семантические отношения с другими единицами, исконными и заимствованными. Все перечисленное является показателем семантической активности слова. В этом случае можно говорить о том, что семантическая активность лексической единицы, как исконной, так и заимствованной, – это процесс дальнейшего ее освоения в языке.

Наряду с вопросом семантического освоения заимствования и роли в этом русской принимающей системы возникает проблема воздействия иноязычных слов на русскую лексико-грамматическую систему. Процесс заимствования приводит к количественному увеличению словаря, порождает тенденцию к контаминации средствами принимающего языка и стимулирует словообразовательную активность самого русского словаря, что приводит к изменению как количественного состава русского словаря, так и его качественных характеристик.

Анализ иноязычных слов суворовского эпистолярия показал, что подавляющее большинство из 761 зафиксированной в нем единицы иностранного происхождения употребляются в тех же значениях, которые указаны в толковых словарях XVIII в. Кроме того, в исследуемом источнике зафиксировано значительное количество многозначных заимствованных слов (около 13 %), что могло быть как следствием многозначности заимствованных единиц в языке-источнике, так и результатом семантического развития в принимающей среде. При сопоставлении данных эпистолярия и данных словарей были обнаружены факты, позволяющие считать письма А.В. Суворова

источником, отразившим следующие особенности семантического освоения заимствованных единиц.

Во-первых, в письмах А.В. Суворова выявлены лексикографически не зафиксированные в XVIII в. иноязычные единицы (преимущественно немецкого и французского происхождения), употребляемые автором в значении, эквивалентном семантике слова в языке-источнике (**гандель** «торговля» < нем. **Handel** «сделка, торговая операция», **тартана** «маленькое судно» < фр. **tartane** «маленький корабль», **шармюцель** «стычка, перестрелка» < нем. **Scharmützel** «перестрелка, стычка, пальба» и др.), и единицы, претерпевшие в процессе освоения семантические изменения (**конвенанс** «милость» < фр. **convenance** «удобство, соответствие, хороший тон», **комбуствия** «замешательство, неразбериха» < фр. **combustion** «горение», **унтеркунфт** «комфорт» < нем. **Unterkunft** «приют, уютный уголок, убежище» и др.).

Во-вторых, в исследуемом источнике зафиксированы иноязычные единицы, употребленные А.В. Суворовым в значениях, не отраженных в словарях. В данном случае мы имеем в виду слово **капитал**, которое в суворовских письмах отмечено в следующем контексте: «**Капитал** мой – Берлад, где всегда главное правление и дежурство» [1. С. 176]. В указанном контексте **капитал** употребляется в значении «столица»: в Берладе находились штаб корпуса, магазины с продовольствием и военными припасами [1. С. 591]. В том же значении указанная единица зафиксирована в письмах Г.А. Потемкину: «Мне осмотром надлежит связать внимание здешнего ныне спокойного **капитала** с Бугскою стороною! куда, здесь управясь, поеду» [1. С. 110]; «Во все время прошедших происшествий в херсонском **капитале**, имеющем влияние в части Вашею Светлостью мне порученные, облегчали меня и обеспечивали совершенно гг. Генералы Бибииков и Шевич» [1. С. 117]. Под **капиталом** (**капиталем**) (=столицею) Суворов подразумевает Херсон, основанный Г.А. Потемкиным в 1778 г. как база создаваемого Черноморского флота [1. С. 547].

В словарях русского языка XVIII в. форма **капитал(ь)** зафиксирована как один из вариантов следующего ряда омонимов:

1. **Капитал** (1708 г.), **капиталь** (1724 г.) «линия, делящая угол укрепления пополам»; «часть укрепления, отделенная такой линией» [2. Вып. 9. С. 243]. Источником заимствования является фр. **capital (linie)** «главная линия».

2. **Капитал**, **капител**, **капителло**, **капитело** (1709 г.), **капитель** (1697 г.), **капиталь** (1735 г.) «верхняя часть колонны, столба» [2. Вып. 9. С. 244–245]. Источник заимствования – нем. **Kapitell** в том же значении, восходящее к лат. **capitellum** «утолщенный конец, головка, капитель», образованному с помощью деминутивного суффикса **-ell-** от **caput**, **capitis** «голова».

3. **Капитал** (1715 г.), **капиталь** (1772 г.) «общая сумма денег; имущество в денежном выражении»; «запас продуктов, имеющий денежную стоимость»; «деньги вообще» [2. Вып. 9. С. 242–243].

В русский язык указанная единица пришла при посредничестве нем. **Kapital** «крупная собственность (сумма денег)» или фр. **capital** «запас, ценности», источником которых является ит. **capitale** «главная сумма», восходящее к лат. **capitālis** «главный, выдающийся», деривату **caput**, **capitis** «ос-

новая сумма, главный фонд, капитал». Результатом переосмысления указанных значений слова **капитал**, вероятно, следует считать его употребление в письме А.К. Разумовскому: «Но Итальянская настоящая армия, по мере тлетворных Тугутовых замыслов, остается мертвый **капитал**, как я сам здесь ныне, и целый Эрцгерцог Карл...» [1. С. 362]. Как показывает контекст, Суворов сравнивает потерпевшую поражение итальянскую армию с «мертвым капиталом», т. е. с запасами, деньгами, которые уже не принесут пользы.

Таким образом, значение «столица (=главный город)», отмеченное в суворовском эпистолярии в нескольких контекстах у лексемы **капитал** (**капиталь**), в словарях не зафиксировано. Исторически указанная единица восходит к фр. **capitale** «столица» [3. С. 194] (от лат. **capitālis** < **caput**, **capitis**). В данном значении рассматриваемое слово может быть включено в группу представленных выше лексических омонимов иноязычного происхождения и его употребление Суворовым является, по всей видимости, результатом знания автором писем французского языка и активного владения им.

В-третьих, материал суворовских писем позволяет судить о направлении семантических сдвигов у некоторых заимствованных единиц, связанном с развитием у них переносных значений (**картель**, **аул**, **казан**, **бахрома**, **каприоль**, **карнавал** и др.).

Так, существительное **картель** в суворовском эпистолярии зафиксировано в единичном контексте в письме В.А. Зубову: «Ежели Кур[акин] – что приказу? Выйдет **картель**. Докладывать – представлять... разумно и законно. Исправить можно, разобрать с одним поляком – разобрать и с другим. Дела равные» [1. С. 322]. В цитируемом письме Суворов сообщал следующее: литовский помещик Бельский подал прошение о возмещении ущерба, причиненного ему войсками полководца во время боев в 1794 г. Подобные иски подали польский граф Ворцель и польский майор Выгановский. По мнению Суворова, если генерал-прокурор А.В. Куракин, не разобравшись в сути дела, прикажет заплатить по искам, то спор может дойти до дуэли (=картеля) [1. С. 694]. Согласно данным словарей, слово **картель** в русском языке известно с начала века (**картель** 1703 г., **кортель** 1707 г.) и зафиксировано в 2 значениях: «*договор о размене и выкупе пленных и дезертиров*» и «*письменный вызов на поединок*». В русский язык указанная единица пришла при посредничестве пол. **kartel** или нем. **Kartell** «соглашение, (письменный) вызов на дуэль» из французского языка [2. Вып. 9. С. 264]. Фр. **cartel** «*письменный вызов на поединок*» [3. С. 201] восходит к ит. **cartello** «карточка», источником которого является лат. **charta** «бумага, исписанный лист» (из гр. **χάρτης** «лист из папируса для письма») [4. С. 145]. Новое значение «дуэль», в котором слово зафиксировано в суворовском эпистолярии, по нашему мнению, возникло на базе второго значения вследствие метонимического переноса «*письменный вызов на поединок*» → «*поединок*» (=«дуэль»), что свидетельствует о достаточной степени освоенности указанной единицы в русском языке и расширении ее семантики к концу XVIII в.

Существительное **аул** зафиксировано в исследуемом источнике в следующем контексте: «С **аулами** поступлю точно по повелению Вашей Светлости» [1. С. 126]. Цитируемое письмо было ответом полководца на письмо

Г.А. Потемкина, в котором последний сообщал об отправке в Збурьевск 2500 аулов (палаток), в которые предполагалось перевести из землянок солдат, с разъяснением того, как ставить и утеплять аулы [1. С. 559]. В этом же значении слово **аул** зафиксировано и в другом ответном письме Потемкину: «**Аулы** не везде в употребление вошли, но я и сего дня ускорю» [1. С. 128]. Этимологически рассматриваемая единица восходит к тюркским языкам: тат., казах., кыпч. **aul** «деревня»; «юрты, находящиеся на одном месте», тур., азерб. **ayul** «загон для овец» [5. С. 41]. В русском языке XVIII в. слово употреблялось для номинации татарского, башкирского или кавказского поселения, становища кочевников, а также при обозначении их самих [2. Вып. 1. С. 116]. Материал суворовских писем свидетельствует о расширении семантики тюркизма и появлении не отмеченного словарями значения «палатка», которое могло появиться, по нашему мнению, под влиянием значения «юрта» в других тюркских языках (тат., казах., кыпч.).

Другое иноязычие тюркского происхождения **казан** в суворовских письмах зафиксировано дважды. Так, в письме С.М. Кузнецову, заведовавшему канцелярией по управлению всеми вотчинами А.В. Суворова, субстантив **казан**, как определенно показывает контекст, употребляется для номинации сосуда для приготовления вина: «Из моих денег купи, Матвейч, и отправь винные **казаны** в Рождествено по примеру как в Ундоле для сидки вина и водок» [1. С. 94]. Значение данного слова «*большой котел (обычно винокуренный)*» указано и в словарях [2. Вып. 9. С. 192]. Источником распространения данной единицы являются тюркские языки: тур., тат. **kazan** «котел для приготовления пищи». Однако ранее в письме А.И. Иловайскому слово **казан** отмечено в другом значении: «Новая наша собратия, которых Ваше Превосходительство нижайше прошу жаловать, сего дня все за Малоейским нашим кордоном (кроме тех 4000 **казанов**, приклоненных к разврату – Закопыльских), жнут теперь хлеб и собираются на Уральскую степь в неблизкий поход...» [1. С. 88]. Казанами полководец называет едичкульцев, которые кочевали за Копылом и намеревались уйти за Кубань, в турецкое подданство, хотя прежде их удалось привести к присяге. По всей видимости, называя едичкульцев казанами, автор письма кладет в основу данной номинации яркую черту тюркского быта – **казан**.

Существительное **клепсидр** зафиксировано в суворовском эпистолярии в письме В.А. Зубову: «Сион в **клепсидры** поедет» [1. С. 323]. Контекстный анализ дает нам основание считать, что А.В. Суворов употребляет рассматриваемое слово в значении «*время, срок*»: К.О. Сион отправлялся в Кобрин в тревожное время (в клепсидры), так как приближался срок выплаты по векселям. Указанная единица была заимствована из французского языка в конце XVIII в. в значении «*водяные часы*» [2. Вып. 10. С. 16]. Фр. **clepsydre** восходит к лат. **clepsydra** «водяные часы, клепсидра», источником которого выступает гр. **κλεψύδρα** «водяные часы», образованное от **κλέπτω** «красть, похищать» и **ῥῆμα** «вода». Клепсидрами в древнее время называли водяные часы, по которым определяли время выступления оратора в суде. Например, у Плиния Младшего встречается выражение *binas clepsydras dare* буквально «по две клепсидры дать» = «установить оратору время выступления, равное

двум клепсидам». По всей видимости, это послужило причиной развития у рассматриваемой единицы вторичного значения «*время, срок*».

В исследуемом источнике нами зафиксированы и другие заимствованные единицы, претерпевающие семантические сдвиги (не отмеченные в лексико-графических источниках) вследствие развития метафорических и метонимических отношений (например, **гекатомба**, **каприоль** и др.).

Так, существительное **гекатомба** в суворовском эпистолярии зафиксировано в следующем контексте: «Слетя с Олимпа, странствую я по каменной степи, обросшей лесом, который для меня освященный лог для **гекатомба** премудрому Земному Богу» [1. С. 212]. Цитируемое письмо адресовано последнему фавориту Екатерины II П.А. Зубову и было написано полководцем в период его службы на границе с Финляндией, где он руководил строительством укреплений. Своим назначением Суворов был крайне недоволен (словно «слетел с Олимпа»), сравнивал свое положение со странствием по обросшей лесом каменной степи, а свою деятельность, в которой он не мог проявить себя как полководец, считал «гекатомбой премудрому Земному Богу», своеобразным жертвоприношением. Рассматриваемая единица появилась в русском языке в значении «*жертвоприношение*» в середине XVIII в. при посредничестве лат. **hecatombe** «торжественное жертвоприношение ста животных» или непосредственно из гр. **ἑκατόμβη** «большая общественная жертва», образованного от **ἑκατόν** «сто» и **βους** «бык» [6. С. 165]. То есть в данном случае мы также можем говорить о семантических сдвигах, повлекших за собой развитие значения от прямого к переносному.

В суворовских письмах существительное **каприоль** зафиксировано в единичном контексте: «Потворство научит впредь шире заячьи **каприоли** делать» [1. С. 132]. Известно, что заяц, спасаясь от преследователей, запутывает следы хитроумными прыжками (=каприолями). Оценивая свое положение, Суворов сообщает адресату о необходимости больше хитрить, изворачиваться и использует для придания фразе иносказательного смысла указанное заимствование в сочетании «шире заячьи каприоли делать». То есть полководец, по всей вероятности, употребляет слово **каприоль** в переносном значении «*хитрость, изворотливость*». В русском языке данное заимствование получило распространение во второй половине XVIII в. в значении «*прыжок, скачок (например, прыжок лошади, антраша в балете)*»: **каприоль** (1755 г.), **кабриоль** (1786 г.), **каприол** (1798 г.) [2. Вып. 9. С. 185]. Источником заимствования является ит. **capriola** «прыжок, скачок, кувырок» [7. С. 164], восходящее, по всей видимости, к лат. **capra** «коза». На русской почве существительное **каприоль** получило распространение при посредничестве нем. **Kapriole** «скачок, прыжок» [8. С. 321], чье влияние, вероятно, оказалось доминирующим при закреплении в русском языке варианта **каприоль**.

Примерами расширения семантических валентностей заимствованных слов выступают ориентализмы **бахрома** и **калиф**.

Слово **бахрома** «род украшения, отделки (на мебели, портьерах, платье, шали и т.п.), состоящий из свисающих кистей, инурков» в русском языке известно с XIV в. Источником заимствования являются тюркские языки: тур. **makrama** «большой платок с полосатыми узорами, род салфетки»; крым.-тат. **макрама** «вуаль для женщины». Первоисточником следует считать

араб. **mahrama** «платок», восходящее к глаголу **haruma, harima** «запрещать, быть запрещенным, утаивать, убирать». Появление начального **б** вместо **м** в древнерусском слове **бахрома** – результат межслоговой диссимилиации губных согласных (м:м > б:м) [9. Т. 1. С. 241]. В суворовском эпистолярной указанная единица зафиксирована в единичном контексте: «Обратясь я в Кевкенсильде, где берега его не столь облачены камнем, как в Кутветайполе, где еще не успели омшиться, и здесь только видна их **бахрома**» [1. С. 240–241]. Полководец перечисляет пункты своей инспекционной поездки и называет «бахромой берегов» берега каналов и укреплений, которые заканчивались облицовкой камня. В данном случае слово **бахрома** употребляется в метафорическом значении «окантовка, отделка чего-либо» (например, берега, канала). В основу переноса, по всей видимости, положено сходство кистей бахромы и краев берега.

О семантических сдвигах можно говорить и применительно к другому ориентализму, субстантиву **калиф (халиф)**. Этимологически указанная единица восходит к араб. **khālīfa** «наследник, представитель» и в XVIII в. употреблялась для номинации верховного правителя мусульман в арабских странах, а также титула египетского и турецкого султанов [2. Вып. 9. С. 214]. В исследуемом источнике зафиксировано в единичном контексте в письме Г.Р. Державину, в котором Суворов проявился и как поэт: «О вы, Варшавские **калифы!** Какую смерть должны принять! Пред кем дерзнули быть строптивы, Не должно ль мстить вам и карать?» [1. С. 287]. В данном случае можно говорить о расширении семантики заимствованной единицы от значения «правитель в мусульманских государствах» до значения «государственный правитель, власть держащий». Это повлекло за собой и изменение сочетательных возможностей иноязычной единицы: Варшавские калифы = власть держащие в Варшаве.

Развитие переносного значения и расширение синтаксических валентностей слова иностранного происхождения наблюдается и у заимствования древнерусской поры, существительного **хламида** (др.-рус. ХЛАМИДА), которое пришло в русский язык из гр. **χλαμύς, χλαμύδος** «верхнее мужское платье, надеваемое поверх хитона, плащ, мантия» [10. Т. 3. С. 1369]. В исследуемом источнике слово **хламида** зафиксировано в единичном контексте: «Разве и только: 1-е, Тугуту не быть или обнажить его **хламидою** немыслия и предательства; 2-е, мне всюду, где бы ни случился, в союзных войсках быть главным начальником» [1. С. 371]. Цитируемый отрывок свидетельствует о развитии метафорического значения (хламида = то, что покрывает → хламида = покров вообще как отвлеченное понятие) и расширении сочетательных возможностей рассматриваемой единицы.

Семантические изменения претерпевает и заимствованная терминологическая лексика, вследствие чего расширяются возможности употребления слов-терминов, приводя иногда к изменению статуса иноязычных единиц, связанному с их переходом из специальных сфер в состав общеупотребительной лексики. Исследуемый источник является свидетельством того, как в результате семантического развития театральная терминологическая лексика используется для номинации понятий, находящихся вне театральной жизни.

Так, существительное **кулиса**, зафиксированное также в вариантах **кулисы** (1763 г.) и **кулиссы** (1792 г.), получило распространение в русском языке с последней трети XVIII в. как театральный термин, обозначая боковые декорации на сцене и проход за сценой. Источником распространения указанной единицы выступил французский язык. Фр. **coulisse**, производное от глагола **couler** «течь, бежать, литься, скользить», получило значение «*боковая декорация*» не раньше XVII в. [9. Т. 1. С. 452]. В суворовских письмах рассматриваемое заимствование зафиксировано в следующем контексте: «Разберите, вы найдете сию истину неслестну, хотя часто с первого виду я только за **кулисом**, и степени не препятствую» [1. С. 239]. В цитируемом письме Д.И. Хвостову полководец выражает недовольство тем, как оценены его военные и прочие заслуги перед отечеством. Суворов, занимая активную жизненную позицию, при решении важных вопросов (и не только военных) часто проявлял инициативу и деятельное участие, не дожидаясь высочайших распоряжений (=находясь за кулисом, т.е. вне официальной обстановки), поэтому на первый взгляд его роль не видна. Таким образом, **быть за кулисом** приобретает значение «*быть скрытым, быть не на виду*», т. е. данное заимствование теряет статус театрального термина. Указанное переносное значение проявляется и в образованном от существительного **кулиса** адективе **закулисный**, также зафиксированном в исследуемом источнике: «Польша (никогда как ныне я уничтожен не был), Валериан за столом наклонил – Суворов один в Финл[яндии] необходим: **закулисный** там лутче Короля» [1. С. 241]. По мнению полководца, отзывы Валериана Александровича Зубова, брата фаворита Екатерины II, влияли как на оценку его деятельности, так и на новое назначение (речь идет о поручении Суворову руководства строительством укреплений на границах с Финляндией), так как «закулисный (=скрытый, не на виду) там лутче Короля».

Семантическое переосмысление в исследуемом источнике претерпевает и другой театральный термин – **балет**. Указанная единица получила широкое распространение в русском языке в середине XVIII в. в значении «*театральное представление, состоящее из танцев и мимических движений под музыку*» при посредничестве фр. **ballet**, источником которого является ит. **baletto**, демуниатив от **ballo** «танец», восходящего к лат. **ballāre** «плясать». В суворовском эпистолярии рассматриваемое слово встречается в единичном контексте в письме дочери, Н.А. Суворовой: «У нас все были драки сильнее, нежели вы деретесь за волосы; а как вправду потанцовали, то я с **балету** вышел – в боку пушечная картечь, в левой руке от пули дырочка, до подо мною лошади мордочку отстрелили: насилу часов через восемь отпустили с театру в камеру» [1. С. 122]. Здесь следует отметить, что при описании военных действий Суворов часто использует лексику, обозначающую понятия и реалии, не связанные с войной и военной службой. Особенно в этом отношении выделяются его письма дочери и близким друзьям, в которых часто война сравнивается с морской бурей или театральным представлением. Это привносит в текст писем полководца элементы образности, индизказательности, иногда окрашенные тонким суворовским юмором и иронией и по отношению к себе, и по отношению к событиям своей жизни. Отсюда и переосмысление театрального термина **балет**, который в цитируемом отрыв-

ке становится семантически эквивалентным сочетанию **военное сражение** со своими действующими лицами, расстановкой сил и т.п.

Результатом подобного переосмысления следует считать и отмеченные в суворовском эпистолярии существительные **карнавал** и **академия**. Первое встречается в русском языке с конца XVII в. и в источниках отмечено в следующих вариантах: **карнавал**, **каранавал**, **коронавал** (1697 г.), **кранавал** (1707 г.), **карновал** (1719 г.), **кроновал** (1727 г.), **карневал** (1728 г.) [2. Вып. 9. С. 260–261]. На русской почве слово получило распространение при посредничестве фр. **carnaval**, нем. **Kareval** или пол. **carnawal**, восходящих к ит. **carnovale**, образованному на базе **carne** «мясо» и **vale** «прощай», источником которых являются соответственно лат. **caro**, **carnis** «мясо» и **valē**, форма императива глагола **valēre** «быть сильным, здравствовать». Карнавал получил свое название в Италии в XIII в., когда он был официально приурочен к празднованию масленицы, после которой начинался пост с его запретом на мясную пищу, что и является основанием для номинации [6. С. 307]. В русском языке XVIII в. указанная единица употреблялась в значениях «праздник у католиков, соответствующий русской масленице»; «вообще празднество с народными гуляниями, маскарадами и т.п.»; «масленица» [2. Вып. 9. С. 260–261; 11. С. 285]. В исследуемом источнике слово зафиксировано в единичном контексте в письме Ф.В. Ростопчину: «Скучил я вам, вот мой **карнавал**» [1. С. 383]. В цитируемом письме полководец жаловался адресату на плохое самочувствие, что было следствием затянувшейся простуды. Суворов подробно описывает свое состояние и в заключение письма называет перипетии и неприятности, связанные с болезнью, **карнавалом**, расширяя семантические рамки данного заимствования. Обращает на себя внимание и тот факт, что письмо датируется 14-м февраля, т.е. могло совпасть с празднованием масленицы и способствовать переосмыслению заимствованной единицы.

Заимствование древнерусского периода **академия**, источником которого является лат. **Academia**, восходящее к позднегр. **Ἀκαδημία** «название сада, где учил Платон; философская школа Платона», в русском языке XVIII в. употреблялось в следующих значениях: «высшее учебное заведение, университет»; «сообщество ученых»; «высшее научное и учебное заведение по различным отраслям художества и искусства; академия художеств»; «философская школа Платона в Древней Греции, его ученики и последователи; место их собраний»; «картежный дом» [2. Вып. 1. С. 33–34]. В значении «высшее учебное заведение» указанная единица зафиксирована в письмах Суворова в нескольких контекстах: «В прежнем два Героя под протекцию **Академии** хвалились, что они будут С-м» [1. С. 170]; «И так как я при оных был начальником, то не токмо мне, но и каждому офицеру терпеть лжи невозможно, потому **Академия** наук, представляя сочинение сие, которая благоусмотрит из реляций, колико оное описание противоречущее, следовательно, и не имеющее внимания свету, – уничтожить» [1. С. 464]. Кроме того, контекстный анализ позволяет говорить о появлении у рассматриваемой единицы переносного значения, не отмеченного в словаре: «Простите мне сию плодовитость: она мне нужна наконец ради исторжения из меня в мрак моей чести и честности; ему ж, клянусь Вам, и ныне и всегда истинный

приятель и вернее по доброй душе всей из премудрой **Академии**» [1. С. 132]. Суворов называет «премудрой **Академией**» находившихся в Херсоне сухопутных и морских начальников, теоретиков, оторванных от боевой практики и ценивших форму выше содержания. Подобное семантическое переосмысление указанной единицы не только является показателем дальнейшего развития ее значения, но и служит источником отрицательной коннотации. Это позволяет характеризовать и самого Суворова как личность, не принимающую не подкрепленную практикой теорию и тех, кто ею руководствуется.

Таким образом, в процессе изучения текстов писем А.В. Суворова были выявлены иноязычные единицы, зафиксированные в эпистолярии в значениях, не отмеченных в лексикографической практике XVIII в. Как показал исследуемый источник, семантические модификации претерпевали не только ранние заимствования (**академия, бахрома, хламида**), но и иноязычные суворовского времени (**балет, гекатомба, каприоль, клепсидр**). Результат семантического освоения иноязычных слов в русском языке XVIII в. связан с развитием у слов иностранного происхождения переносных значений на основе семантических тенденций, действующих в языке-реципиенте в данный период. Так, ряд представленных в источнике заимствованных единиц употребляется в значении, возникшем в результате метафорического (**карнавал, балет, бахрома, гекатомба, каприоль, хламида**) или метонимического (**аул, казан, картель, клепсидр**) переосмысления А.В. Суворовым первоначального значения единиц, а также придания им отрицательной коннотации (**академия, карнавал**). Подобные семантические модификации являются показателями семантической активности представленных иноязычных единиц, что, на наш взгляд, свидетельствует об их дальнейшем семантическом освоении в принимающей среде. Семантические сдвиги способствовали изменению статуса иноязычных лексических единиц в русском словаре, связанному с их передвижением из специальных сфер в состав общепотребительной лексики (**балет, кулиса**) и изменением их синтаксических свойств (**калиф, хламида**). Все это в полной мере проявилось в текстах писем А.В. Суворова, что делает их значимым информативным источником исторической лексикологии при изучении основных направлений семантического развития заимствованных слов.

Литература

1. Суворов А.В. Письма. М.: Наука, 1986.
2. Словарь русского языка XVIII в. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1984–2004. Вып. 1–14.
3. *Dictionnaire de L'Académie française*. 5th ed. Paris, 1798.
4. Dauzat A. *Dictionnaire etymologique de la langue française*. Paris, 1938.
5. Шипова Е.Н. Словарь тюркизмов в русском языке. Алма-Ата, 1976.
6. Крысин Л.П. Толковый словарь иноязычных слов. М.: Рус. яз., 2003.
7. Зорько Г.Ф. Новый большой итальянско-русский словарь. М.: Рус. яз.: Медиа, 2004.
8. Paul H. *Deutsches Wörterbuch*. Halle, 1961.
9. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: В 2 т. М.: Рус. яз., 1999.
10. Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка. СПб., 1893–1903. Т. 1–3.
11. Нордстет И. Российский с немецким и французским переводом словарь. СПб., 1780–1782. Ч. 1–2.